писца, когда мать родила Всеслава, у него на голове оказалось «язвено»;[34] волхвы сказали матери: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего». «Еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ», сообщает летопись, фантастически объясняя возникновение «язвена» тем, что мать родила Всеслава «от вълхованья».[35] Но так же рожден и былинный Волх Всеславич.[36] Летописный Всеслав не только родился от волхования. Правда, летопись не сохранила фантастического рассказа о том, как Всеслав научился быть оборотнем, что делается в былине, где, между прочим, повторяется примечательная строка:

Дружина спит, так Вольх не спит.

Но в летописи есть некоторые любопытные намеки, возникшие, возможно, под влиянием слухов о князе-кудеснике. Намеки эти мистичны. Так, несколько раз имя Всеслава связывается с крестом. При освобождении Всеслава из темницы в Киеве, куда он был заточен в результате нарушения крестоцелования, Всеслав, по словам летописи, приписывает свое освобождение кресту. Под 1069 г. в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, отмечается после известия о бегстве Всеслава к Полоцку, что «нашелся крест князя Владимира в Святой Софии на полатах, который захватил Всеслав».[37] После слов, восславляющих крест за освобождение Всеслава в Киеве, находятся очень примечательные слова, которые обычно уже читаются не как прямая речь Всеслава, а как слова летописца: «Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають».[38] Возможно, эти слова и действия, связанные с крестом, отражали какие-то действительно имевшиеся мистические увлечения князя, но не исключено и то, что они, как и сближение с Всеславом Антония, свидетельствуют о стремлении церкви использовать фигуру популярного князя. Во всяком случае, эти сообщения, как и другие сообщения летописи, должны восприниматься критически.

Всеслав в «Слове» выступает вообще как князь-кудесник, который под стать былинному Волху Всеславичу. В то время как его воины спят, Всеслав скачет волком от Дудуток (видимо, под Новгородом) до Немиги (видимо, у Минска), дорыскивает за ночь от Киева до Тьмуторокани. Всеслав «Слова» до рассвета перерыскивает дорогу Хорсу, языческому богу солнца.[39]

Теперь можно снова обратиться к ситуации, описываемой в рассматриваемом отрывке «Слова». Популярный князь, о котором идет слава как о кудеснике, вдруг ночью без ведома киевлян, недавно провозгласивших его своим князем и собравшихся под его водительством на битву с изгнанным ими же самими Изяславом, приведшим чужеземцев, убегает из

---

[34] Язва, яма? См. названную работу Д. С. Леонардова (вып. II, стр. 150 и сл.).

[35] Повесть временных лет, т. I, стр. 104. Волшебному рождению князя летописец приписывает и его «немилостивость на кровопролитие»; возможно, как полагал А. А. Шахматов (Разыскания, стр. 14), эта запись является припиской, сделанной после захвата Всеславом Новгорода.

[36] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 39.

[37] Повесть временных лет, т. II, стр. 400.

[38] Там же, т. I, стр. 115.

[39] Былинному Волху и Всеславу «Слова» посвятил ряд специальных исследований Р. О. Якобсон (с соавторами): R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav Epos. — Selected Writings, IV, The Hague—Paris, 1966, pp. 301—368; R. Jakobson, G. Ružičić. The Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos. — Там же, pp. 369—379. Относительно былины см. еще: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. [Л.], 1955, стр. 67—72 и др.